

Две книги, о которых пойдет речь в этой статье, писались будто бы об одном и приблизительно в одно время. Писались в разных местах и людьми с разными дореволюционными судьбами. Но как эти судьбы оказались близки после известных событий второго десятилетия проходящего века! Близки оторванностью от Родины, эмигрантским бес-

приютством, любовью к потерянному прошлому — милой их сердцу России и, наконец, обрушившейся на них трагедией смерти.

Иван Сергеевич Шмелев, автор замечательной книги «Лето господне» до революции уже был известным писателем. Родившись в Москве в 1873 году 21 сентября в семье подрядчика на строительные работы, он оканчивает гимназию и юридический факультет Московского университета. С начала века, а вернее даже с 1895 года прошлого века, много печатается. Путешествует по России, активен в литературной жизни страны. Его талант неоспорим и общепризнан, его книги издаются. Февральскую революцию Шмелев встречает восторженно, но Октябрь не принимает. В 1922 году, после пережитой им страшной трагедии — в Крыму его горячо любимый сын, как офицер добровольческой армии, хотя он и не покинул России вместе с врангелевцами, был взят «красными» в Феодосии из лазарета и без суда расстрелян. Шмелев уезжает в Берлин, а затем в Париж.

Василий Акимович Никифоров-Волгин писатель иной судьбы. Родившись 24 декабря 1900 года на берегу Волги в селе Маркуши в бедной семье сапожника в раннем возрасте вместе с семьей переезжает в Эстонию, в Нарву. Окончив начальную школу, в гимназию поступить уже не может — нужда. Первая публикация молодого литератора состоялась в Таллине в 1921 году. Довольно быстро Василий Никифоров завоевывает писательский авторитет, много печатается, получает литературные премии. Но пришедшая в Прибалтику советская власть круто обходится со всеми русскими деятелями культуры. Никифорова арестовывают 24 мая 1941 года. Этапом пересылают его в город Киров и там 14 декабря 1941 года расстреливают.

За свою жизнь писатель успел подготовить и издать только две книги: «Земля-Именинница» и «Дорожный Посох». Книга, о которой говорим мы сейчас, это избранное под названием «Заутреня Святителей», куда в свою очередь вошли некоторые произведения, ранее не публиковавшиеся в названных изданиях и которая предоставляет возможность познакомиться с уникальной прозой писателя.

Давно и точно замечено — все, что в творчестве соприкасается с самыми заветными уголками человеческого сердца, с самыми чистыми устремлениями и желаниями, всегда получает доброжелательный и всесторонний отклик, пробивает себе дорогу сквозь завали клеветы, поругания и запреты. Оба автора вернулись к российскому читателю в самом конце 80-х годов. Вернулись не только своими книгами, но и многими заинтересованными статьями об их творчестве, в мемуарах знавших их людей. Но если имя Ивана Шмелева сразу и прочно засветило на небосклоне отечественной словесности, то проза Василия Никифорова-Волгина подспудно и долго пробивала себе дорогу. Хотя по теме, по ощущению христианского, православного духа авторы очень близки. Думаю, что и читатель у них один — это патриот любящий свою Родину, почитающий веру своих предков, придерживающийся православного мировоззрения и воспринимающий с эстетически душевным упоением образность, красоту, форму и звучание коренного, исконного русского слова. Читатель, испытавший сам не раз в жизни и восторг неведь с чего захватывающий сердце в лунную, холодную, вызвезженную ночь, когда тишина и только скрип снега под ногой, собственное дыханье нарушают тишину, и усиление от соприкасания с широкой русской душой, до бескрайности в веселье и рыдающей до последнего изнеможения, до бескрайней в своей беззащитности при покаянии — такой читатель не отмахнется в безразличии ни от, несколько идеализированной предреволюционной историей быта российской столицы, ни от горьких страниц того же быта российского государства в революционные и частью послереволюционные годы.

Я помню первое впечатление от прозы Ивана Шмелева. Натужно гудели двигатели ТУ-154, уносившего меня из Красноярска в Нижний

Новгород, а я окунулся в теплый, солнечный мир московских окраин конца XIX века с калачами, чаепитием, икрой, рыбой, яблоками, булками. И понимая, что это невероятное, редкостное открытие только что произошло со мной, в упоении, с взволнованным сердцем, бережно листал недавно приобретённую книгу. Тогда же не выдержал и поделился впечатлением от прочитанного с товарищем, летевшим вместе со мной. Впервые получаю такое чувственно-эстетическое наслаждение, граничащее с восторгом от прочитанных слов, фраз, предложений. Эту книгу нельзя читать сразу, но растягивать нахлынувшее открытие как можно дольше — поглощая его небольшими порциями, по страницам, главам — «смакуя» и перечитывая. Потому, что первое прочтение оставляет в душе самый яркий и ни с чем не сравнимый, запоминающийся след.

Я понимал, что начинаю жить жизнью героев книги «Лето господне» — Сергея Ивановича, Василь-Василича, старика Горкина, вместе с ними слышу звуки, чувствую запахи, ощущаю радость в сердце и обиду от запретов и непонимания, вольно веселюсь и ловко, самозабвенно работаю, слушаю бродяжное пение в кабаках и умиленно внимаю церковной молитве, колокольному звону, пению с клироса. Все это Русь. Все родное, какими-то неведомыми потаёнными силами было до времени спрятано в моем сердце.

Уже потом были прочитаны мной и «Богомолье», и «Старый Валаам», и много других повестей, рассказов, статей, романов Шмелева. И, конечно, в дальнейшем восприятие несколько померкло, притушилось, хотя истинное удовольствие от прочитанного получал всегда. Но то неизгладимое впечатление, тот восторг, охвативший меня на борту самолёта, где-то над бескрайней сибирской тайгой, навсегда запечатлелся в моей памяти своей неповторимостью. Открытие мира прозы Ивана Сергеевича Шмелева что-то перевернуло во мне, как бы очистило от наносного, освободило глаза для иного взгляда на современную отечественную бытийность.

Постижение художественного мира Никифорова-Волгина проходило в ином ключе — размереннее, спокойнее.

После Рождества, всей семьей поехали мы в гости к священнику. После службы сидели мы с о. Владимиром в его келье, говорили о делах сегодняшних, вспоминали прошлое и тогда он меня спросил, не читал ли я этого автора? Нет, имя написавшего книгу «Заутреня Святителей» было мне незнакомо.

— Обязательно надо прочитать. Очень хороший писатель.

Отец Владимир тут же, пока нас не позвали к ужину, прочитал вслух два рассказа: «Заутреня святителей» и «Юродивый», да, это была проза, милая моему сердцу, необходимая моему разуму.

Через несколько дней я отыскал книгу в церковной лавке и, так как скоро уезжал по делам в Тюмень, то и забрал ее с собой в дорогу. Тогда-то и открылся мне непостижимый в своей простоте, доступности, незамысловатости истинный художественный дар этого, почти позабытого у нас, русского писателя.

В отличие от Шмелева Никифоров-Волгин строит своё повествование короткими, всего в несколько слов, предложениями. При этом его проза напрочь лишена витиеватостей-красивостей. Но в ней сохранены все необходимые художественные достоинства — образность, выразительность. Непостижимым способом он соединяет в одном предложении, при использовании крайне ограниченных художественных средств, энергию повествования и неторопливость, вдумчивость, основательность при построении сюжета произведения. Так, под стук вагонных колес, я читал эту книгу, а поезд уносил меня в заснеженную, по-январски промороженную заиндевелую даль. Стелется позёмка, звенит от мороза сугробное поле. Завоевает вьюжина. Мороз леденит одинокую заснеженную землю. Но странно, не было мне холодно от этих слов. И заснеженные поля, пронсящие за окном, обсыпанные инеем ели, стеклянно

блестящие под солнцем осины и берёзы не пугали подступающим близким холодом: всего-то тонкая стенка вагона отделяла от уютного и тёплого купе. И охраняла меня от ощущения вселенского холода, вселяла в сердце надежду небольшая в размерах книжка, лежащая на столике у окна, в которой «Молились святители русской земли в заброшенной лесной церковке о Руси — любви Спасовой, кроткой думе Господней. А после заутрени вышли из церковки три Заступника на паперть и благословили на все четыре конца снежную землю, вьюгу и ночь («Заутрениа святителей»).

Автор поднимается духом в заоблачные дали и в то же время беспредельно любит своё теперешнее земное существование. Юный герой из рассказа «Канун Пасхи» так переживает это чувство: «Глядя на это утро, мне захотелось никогда не отрываться от земли, а жить на ней вечно, — сто, двести, триста лет, и чтобы обязательно столько жили и мои родители. А если доведется умереть, чтобы и там, на полях Господних, тоже не разлучаться, а быть рядышком друг с другом, смотреть с синей высоты на нашу маленькую землю, где прошла наша жизнь, и вспоминать ее».

Церковь в рассказах Никифорова объединяет всех. В идеале она отчуждает от людей раздражение, брезгливость, зависть. В храме, в Боге все равны. В этом отношении — причём без всякой видимой, внешней ломки личности, но самоосознанно и добровольно — это единственное место на земле, где такое возможно. И тогда происходит вот что. «Спившийся псаломщик Валентин Семиградский, обитатель ночлежного дома, славился редким «talантом» потрясать слушателей чтением паремии и Апостола, и большие церковные дни он нанимался купцами за три рубля читать в церкви. В длинном, похожем на подрысник, сюртуке Семиградский, с большою книгою в дрожащих руках, подошёл к Плащанице. Всегда темное лицо его, с тяжёлым мохнатым взглядом, сейчас было вдохновенным и светлым».

В рассказах писателя все гармонично, все к месту — человек, природа, вера. Они дополняют и обогащают друг друга, объединяя в нечто неразрывное, единое, немислимое друг без друга. Вот как описаны ощущения героя в рассказе «Двенадцать Евангелий».

«Предвечерье великого Четверга было осыпано золотистой зарей. Земля холодела, и лужицы затягивались хрустящей заледью. И была такая тишина, что я услышал, как галка, захотевшая напиться из лужи, разбила клювом тонкую заморозь».

Отрывок вроде бы описывающий недвижимо-застывший, безжизненно-обледенелый пейзаж, внутри себя оказывается очень подвижен. Здесь и земля хоть и «холодела», но была «осыпана золотистой зарей», а тишина стояла такая, что слышно, как «галка... разбила клювом тонкую заморозь» на луже. Все в этом отрывке живет, колышется, звучит, находится в неподвижности. И в этом неразгаданное чудо нашего писателя. Но вот ударили в колокол и «Нельзя было не вздрогнуть, когда по тихой земле прокатился круглозвучный удар соборного колокола. К нему присоединился серебряный, как бы грудной звон Знаменской церкви, ему откликнулись журчащим всплеском Успенская церковь, жалостным стоном Владимирская и густой воркующей волной Воскресенская церковь».

От скользящего звона колоколов город словно плыл по голубым сумеркам, как большой корабль, а сумерки колыхались, как завесы во время ветра, то в одну сторону, то в другую. Здесь обратное впечатление — энергичного движения, беспокойствия. Но это обманчиво. Ибо колышутся сумерки и плывёт город, что само по себе не-возможно. И всё-таки, что-то в пейзаже, в его восприятии, ощущении меняется, «когда по тихой земле прокатился... удар соборного колокола». Да и не могло не изменить, потому что, как мы уже отмечали, все три ипостаси рассказов» Никифорова-Волгина Вера, Природа, Человек находятся в единении, взаимосвязаны.

Если в повествовании Ивана Шмелева «Лето господне» мы не найдём и намёка на послереволюционное разрушение церкви, геноцид священства — то в рассказах Никифорова об этом не только говорится, но и передаётся невыносимое ощущение боли, горя, вековой потери, даже когда говорит он об этом вскользь, мимоходом /не это главное — не внешнее событие, а то, что происходит, какой след оно оставило в душе героя/, или посвящает этой теме отдельное произведение, всё равно не выступает это событие главным в рассказе. Оно вторично, побочно, повод для других, главных раздумий героя. Это как бы основной фон, отделяющий душевную чистоту и незлобивость, христианское мировоззрение и взгляд на окружающее. Таков старик из пасхального этюда «В березовом лесу», посвящённого автором Борису Зайцеву. И даже это посвящение во многом символично. Написан этюд в Нарве и датирован 1926 годом. Подобному же посвящены сюжеты рассказов «Алтарь затворенный», «Под колоколами», «Вериги». А разве случайное совпадение, что в 1937 году всем нам известных событий, Никифоров пишет потрясающий по своей чистоте, радости рассказ «Светлая заутреня» — искреннюю песнь торжеству Православия. Тут же следуют и другие рассказы: «Солнце играет...», «Пасха на рубеже России», «Иванушка». Иные сюжеты, грустные, о разлуке, смерти. Порой пугающие страшным богохульством. Но странно, чувство торжества Православия, уже ранее приобретенное читателем, от этого не угасает, а наоборот крепнет, находит волновые и новые подтверждения в той, исходящей от сюжетов укрепляющей силе. Ведь все прошло, всё выдюжили. И ещё сколько пройти и вытерпеть придётся. Но «Смотрите, не ужасайтесь: ибо надлежит «всему тому быть /Мф. 4,6/ — поучал Христос своих учеников.

Только одно по настоящему может ввести человеческое сердце в тоску, опечалить душу — потеря веры, как символа истинной чистоты и спасительной любви, и это произошло с сыном лесника Гордея из рассказа «Лесник Гордей». Какая неподдельная тоска, скорбь звучат в словах автора. Какое пронзительное горе охватывает сердце несчастного старика, что не ужаснуться от того и не пожалеть героя не в силах человеческое сердце. Вот в чем, по убеждению Никифорова-Волгина, истинная трагедия человека, вот в чём вечная, без ожидаемого воскресения, смерть. Высокой печалью, состраданием и скорбью пронизан рассказ «Мати пустыня» о последних днях жизни российского солдата-большевика, волжанина Семена Завитухина. Повествование из-под пера писателя выходит неторопливым, немногословным, но емким и до последней черточки, до последнего движения естественным, правдивым, лишенным всякой фальши и недосказанности.

А какой любовью и искренней простотой пронизана вера сельского священника отца Анатолия из рассказа «Молитва»! Вот ведь и умом он скуден, и образования маленького, и ликом своим неказист и проповедь у него нескладная, что мужицкая речь». Но сколько света, добра. Но сколь светла, добра и сострадательна душа его, вмещающая в себя все беды и хлопоты односельчан, что и позволяет ему в своей просьбе встать защитником за них перед Господом.

Если у Ивана Шмелева описан православный город Москва, то у Никифорова-Волгина православная русская матушка-деревня со всеми ее обычаями, трудом, праздниками и горестями, впрочем, в последнем произведении обоих замечательных писателей схожи. Здесь их точка соприкосновения, душевная слитость. Никифоров говорит в рассказе «Вериги»: «Долго смотрел ему в след и думал о таинственных жутких путях русской души, о величайших падениях её и величавших восстаниях, — России разбойной и России веригоносной».

В произведениях Шмелева и Никифорова-Волгина Русь одинаково предстаёт перед нами «вкусная», хлебная, с хрустом надкусываемого яблока. И впечатления после чтения сродни — словно выкупался в чистом источнике, ключевой водой студёной умылся, жажду негасимую

утолил. После этого и дальше можно идти, жить. Славные, редкостно-проникновенные книги, национально-русские по духу, сюжету, описанию пейзажей и характеров героев.

Но у «Заутрени святителей» есть одна особенность. Ее можно начинать читать с любого места, как поэтический сборник. У Никифорова и рассказ в размере, в дыхании чем-то схож, напоминает поэтическое произведение, каждое предложение в нем — будто строка в четверостишии — написано коротко, ёмко, эмоционально и насыщено духом.

Человек и Вера, личность художника и Православие. Слияние этих факторов дают в жизни почти неизменно потрясающий результат, открывают безграничные возможности в философском и творческом постижении мира, нашего личностного бытия в историческом контексте. И дело не в христианской терминологии или использовании сюжетов, связанных с церковной историей, преданиями. А в объединении духа пишущего и читающего, в благодатном соединении верящих душ. Этим замечательны произведения двух русских писателей, пусть с таким опозданием, но вновь пришедших к нам в очередную, трудную для России минуту. И в этом нет случайности! Но всему свое время и свой час!

Нижний Новгород – Тюмень – Нижний Новгород